

Аркадий Недель

ПОХОРОНЫ 1953 ГОДА

Семен Огурцов выбежал на улицу в одной рубашке. Было начало пятого вечера.

— Блядь, — Семен подскользнулся и упал в слякоть. — Хоть бы песком посыпали!

Огурцов поднялся, стряхнул с брюк прилипший снег и пошел в продуктовый, который находился за углом. Воздух ему показался холодным. Семен ускорил шаг.

Входя в магазин, Огурцов столкнулся с человеком в старом кожаном пальто. Человек буркнул что-то непонятное, мотнул головой и быстро зашагал в западном направлении. Продавщица за прилавком соскребала масло с бумаги. На ней был белый халат, на голове берет.

— Здравсте, тетя Маш, — обратился Семен к продавщице. — Буханку черного дадите?

— Не дам.

Да ладно тебе, тетя Маш. Я сегодня богатый. — Семен улыбнулся и достал из кармана кучу мелочи. Продавщица равнодушно посмотрела на деньги.

— Не будет сегодня хлеба.

— Как не будет? — Удивился Семен. — А когда?

— Не знаю. — Она продолжала скрести масло. — Селедку бери, пока не разобрали.

— Да на кой мне селедка, тетя Маш. Мне хлеб нужен.

— Вот непонятливый. Говорю, не будет сегодня хлеба. Не завезли.

Семен посмотрел на пустой прилавок. Вид у него был растерянный.

— Случилось чего?

— Ты, что, только с кровати сполз? — продавщица тяжело вздохнула. — Сталин умер, — произнесла она чуть торжественно.

— Как умер? — Семен вытянул лицо вперед. Ему показалось, что он ослышался.

— Не знаю. По радио сказали. Сегодня похороны.

Семена прошиб холодный пот. Он вытер лоб рукой, просыпав деньги. Монеты со звоном ударились об пол, задребезжали и покатались в разные

стороны. Как Сталин может умереть – Семен не понимал. Мысль о кончине вождя казалась ему абсурдной, несовместимой с его знанием о физическом мире, которое он успел приобрести после трех курсов на факультете геологии. Во время борьбы с космополитизмом Семена отчислили из института после того, как он отказался поменять свое имя на более русское. Ему предложили стать либо Егором, либо Тимофеем, но он отказался. Продолжал заниматься дома, лекции переписывал у приятелей. На жизнь зарабатывал частными уроками и игрой в преферанс с Лехой Крутовым, который работал на молочном комбинате и выносил оттуда каждый месяц по два килограмма брынзы, рискуя свободой и рабочей честью.

– А где хоронить будут? – спросил Семен, не веря в произошедшее.

– А я почему знаю? – Испуганно ответила продавщица, выдержав длинную паузу. – Кто говорит, на Красной Площади гроб выставят. Слышала, тоже, в ВДНХ его отнесут. По мне, лучше такое дело дома пересидеть.

– Ты чего, тетя Маш, мы ж его никогда не видели. Так хоть теперь посмотрим.

– Да чего ты там помотришь? Руки тебе скрутят, очки снимут, в уши заткнут. Вот и все смотрины.

У Семена в голове стоял сумбур. Картины сталинских похорон сменяли одна другую. Ему привиделась огромная пирамида, больше египетских, на вершине которой стоял гроб с телом. Вокруг пирамиды была натянута цепь, по которой навстречу друг другу ходили два сфинкса. Люди проникали во внутрь через железную дверь и оказывались перед зеркальным отражением усопшего. Он улыбался в усы, иногда хмурил брови, а некоторым грозил пальцем.

– Черт знает что, – думал Семен, пытаясь взять себя в руки. Он присел на корточки и начал собирать рассыпанную мелочь.

– Селедку возьмешь? – спросила продавщица.

– Нет, тетя Маш, спасибо. Я пойду, хлеб поищу.

Сырой мартовский ветер бил Семена по лицу. Возвращаться домой ему не хотелось. Он решил непременно отыскать место похорон и проводить вождя в последний путь. Когда Семена отчислили из института, он написал Сталину письмо, где рассказал ему о своей родословной, объяснив, что он никакой не космополит, а имя родители ему дали в честь маршала Буденного. Ответ не пришел, и как теперь выяснилось, по причине смерти адресата.

Семен шел в сторону Красной Площади. По логике вещей, прощаться будут там, но полностью быть уверенным нельзя. Нужно спросить. Семен оглянулся. На другой стороне улицы он заметил прохожего с чемоданом в руке. Прохожий шел быстро, его нос был прикрыт шарфом.

– Простите, товарищ, – обратился Семен к незнакомцу, – вы не знаете, где сегодня похороны Сталина?

Прохожий резко остановился, поставил чемодан на землю и схватил Семена за рукав.

– Ты кто такой?

От неожиданности он испугался.

– Я?

– Да, ты!

– Моя фамилия Огурцов. Я – студент. Хочу проводить в последний путь вождя народов. Вы не знаете, где собираются?

Прохожий притянул Семена к себе. Зубы его скрежетали.

– На финскую разведку работаешь, сволочь! Я тебя сразу распознал.

От этих слов Семену стало дурно. Он пытался освободить руку, но хватка незнакомца оказалась железной.

– Какую разведку? Я геологию изучаю. Хочу найти месторождения нефти в районе Золотого кольца.

Внезапно прохожий поменял тон на менее резкий.

– Ну-ка, взял чемодан.

Семен выполнил команду. Чемодан был очень тяжелым. Казалось, что он набит чугунными котелками.

– Пошли.

Перекосившись, стараясь сохранить баланс, Семен шагнул вперед. Его обрадовало, что они двинулись к Кремлю.

Шли молча. На полпути незнакомец тихо ругнулся. Семен почувствовал, будто ругань залезла ему под рубашку и поцарапала спину.

– Пришли.

Семен поставил чемодан на землю. Они встали у входа в подворотню. Пахло борщом. Семен вдохнул носом, голова его слегка закружилась. Он захотел есть.

– Это тебе за труд, – сказал человек, – положив Семену в карман рубашки полтиник. – А нефть ищи. Нам она скоро понадобится.

Незнакомец схватил чемодан и нырнул во двор. Семен подождал, пока тот не исчез во вкусном запахе.

Путь к цели сокращался. Нужно было спешить, чтобы не оказаться слишком далеко от центра процессии. «Теперь я уж обязательно ее разыщу, – думал Огурцов, – без меня его не похоронят. Наверняка понесут через площадь к Мавзолею. А вдруг действительно в ВДНХ? Туда пешком больше часа пилить. Нет, не понесут. Нельзя его с Лениным разлучать».

Семен вспомнил фильм «Ленин в Октябре», в котором Сталин отвечал за безопасность Ильича в самые драматические часы революции. Ленин спешил поговорить именно с ним, когда ехал в паровозе под присмотром

товарища Василия. Семен пытался разыскать товарища Василия, ходил в исторический музей, писал в газету с просьбой помочь ему найти этого замечательного человека. Посчитав, что сыну Василия к этому времени должно быть за тридцать, Семен пробовал найти его тоже. Писал во всесоюзный розыск. Получил несколько писем от людей, которые называли себя сыновьями Василия.

Рассказывали о подвигах отца, о его героической смерти.

Когда они с Лениным убежали от полиции, вождь ушиб колено и не мог идти. Отец посадил Ленина к себе на шею, и они поскакали по темным переулкам города. Чтобы меньше походить на революционеров, Ленин достал кнут и стегал отца по ногам, когда они скользили по замерзшим лужам. Потом, как вспоминал автор письма, отец говорил: «Идешь к Ленину, не забудь взять с собой кнут!» Умер Василий от ностальгии по тем временам, когда он мог свободно скакать по улицам Петрограда.

Семен не до конца верил в смерть товарища Василия. Она ему казалась нереальной. Сын мог не знать всей правды.

– Эй, солдат.

Семен повернулся и увидел калеку, прислонившегося к решетке. Его единственная нога была обута в кирзовый сапог. Он держался на костылях. На плечах висел плащ болотного цвета.

– Слышь, солдат, свело меня. До станции не доведешь. Я тебе на гармошке поиграю.

Калека улыбнулся.

– Пойдемте, – Семен обхватил калеку за пояс. – Вам до какой станции?

– А хуй, я ее название забыл, – калека громко кашлянул. – Ну та, откуда все электрички в Кремль идут.

– А зачем тебе туда?

– Как зачем? Сталина хоронить.

– Так и я туда! – обрадовался Семен. – Тут совсем недалеко. Может, вместе двинем?

Калека посмотрел на Семена, рот его приоткрылся. Казалось, что он выпустил из него сокровенную тайну.

– Двинем!

Шли они медленно, часто останавливаясь. Калека кашлял, иногда харкал на асфальт, размазывая плевков сапогом.

– Тебя как звать?

– Семен.

– Сержант Сергей Плугин. Можно просто Серега, – калека протянул Семену руку.

– Ты, вижу, местный. В Москве живешь?

– Учусь здесь. Я сам из Суздаля.

– Знаю. Бывал. У вас там картошку хорошо пекут.

Плугин облизал губы.

– Щас бы этой картошки да с лучком и маслом. И с черным хлебушком.

– И четыре маленьких. По две каждому.

– Слышь, Серега, у тебя пожевать ничего нет?

– Ничего, – Плугин виновато покачал головой. – Хочешь, зайдем куда?

Угощаю.

– Нельзя. Опоздаем, – отрезал Семен. – Как жить–то потом?

– Прав! – Плугин оперся на костыль, чтобы сделать следующий шаг.

Беседа у них то возникала, то внезапно обрывалась, но дискомфорта не было. Когда молчали, они особенно чувствовали тепло друг друга, и от этого им становилось веселее на душе.

– Я его живого видел.

– Кого?

Плугин кивнул в сторону Кремля.

– Врешь.

– Не вру. В сорок первом дело было. Мы после боя немецкие трупы по полю собирали. Ночь, помню, стояла, и луна – каждый куст видать. Мы, значит, фрицев убираем, аж звенят, как горшки глиняные, того и гляди разломятся. Грузим. И вот, видно нам – машины идут по шоссе, штуки четыре. Черные такие, длинные. Останавливаются. Выходит одно начальство, затем другое, к нам ни на полслова, вроде как дают знак – вы, мол, своим делом занимайтесь, а мы своим будем заниматься. Вижу, один идет встречь нам. В шинели, а звания его не вижу. Невысокий такой, лицо доброе, усы. Подходит к нам. «Здравствуйте, – говорит, – товарищи». Ну мы ответили как положено. «Что, – говорит, – интересная работа немцев хоронить?» Ну один из наших ему в ответ: «Лучше мы их, чем они нас. А работа, война – наша работа». Тут лунный свет так упал на подошедшего, мы все разом и обмерли.

– Неужели он? – перебил Семен.

– Он.

– Я тоже сперва не поверил, потом присмотрелся – точно он! По усам его узнал. Таких усов больше ни у кого нет. Добрые у него усы были, понимаешь.

– А дальше-то? – торопил Семен.

– Ну, начал он к каждому подходить, спрашивать. У кого какие замечания, мысли, значит, о предстоящих операциях. Спрашивал, хорошо ли нас кормят на передовой, может, жалобы у кого какие. Мы ему, товарищ Сталин, вы бы шли отсюда, убьют ненароком. Все у нас хорошо. А он смеется, говорит: «Братья мои, я такой же солдат, как и вы. Каждого из нас могут убить, а всех не убьют. Мы – бессмертный народ», – так сказал.

Семен задумался о бессмертии.

– А как он ко мне подошел, вся моя сущность так в очко и ушла. Спросил, как зовут, сколько времени на фронте, о семье спросил. А потом вдруг помолчал и говорит: «Кажется мне, что вы грустите. Правильно, товарищ Плугин?» Я чуть на снег не рухнул. «Правильно, говорю, товарищ Сталин. Есть у меня одна грустинка. Я особую клятву дал – немцев в плен не брать. Бить их насмерть до последнего. Клятву дал после того, как они моего друга в деревне распяли. Три дня он на кресте провисел, а на четвертое утро выходим, а крест пустой. После того я их в плен не брал. А тут приказ пришел – брать в плен. Расхождение у меня с приказом получилось, и через то расхождения я ордена лишился».

Сталин засмеялся, говорит: «На войне разные случаи бывают. Я за вас походатайствую, чтобы считался этот случай исключением».

Плугин сильно раскашлялся. Воспоминания взволновали его.

– Не веришь?

– Верю. Верю и завидую.

Плугин полез в карман плаща и достал «Казбек».

– Куришь?

– Нет.

Он зажег папиросу и затянулся.

– Если честно, я и сам себе завидую. Жалко только, война кончилась.

– Так ведь убивают на войне. Ты, вон, ногу потерял.

– Ногу я не на войне потерял, я ее заложил, когда сюда ехал.

– Как заложил?

– Так и заложил. Меня из колхоза отпускать не хотели. Председатель говорил, если в Москву поедешь, обратно к нам не вернешься. Вернусь, говорю, а он свое. День уламывать пришлось.

– Уломал?

– Уломал.

Они вышли на Красную Площадь. Редкие фигуры пробегали мимо них, совершенно не замечая. Им стало неуютно. Площадь пуста, и никаких похорон на ней не предвиделось.

– Слушай, а орден тебе вернули? – вдруг спросил Семен.

– А как ты думал? Конечно, вернули. Когда вручали, так и сказали: «Награда за смелость!»

Пока Огурцов и Плугин обдумывали план дальнейших действий, к ним подошел человек в кепке.

– Товарищи, который час не подскажите?

Плугин взглянул на часы.

– Шесть. Без пяти.

– Ах ты, черт, – отреагировал подошедший. – Не знаю, что теперь делать.

– Опоздал куда? – спросил Плугин.

– Да не опоздал. Пришел вовремя, а двери закрыты. Стучусь – никого. Полчаса стучал. Не могу же я тут ночевать.

– А куда стучали? – спросил Семен.

– В Моссовет. Понимаете, я композитор. Сухов моя фамилия. Мне к сегодняшнему дню заказали поэму. Я написал. А кому отдать теперь, ума не приложу.

– А что за поэма? – спросил Семен.

– Трагическая. Называется «Смерть выше солнца».

– Хорошее название, – похвалил Плугин. – Смерть, она всегда выше солнца. Помню, в окопе сидел, думал: Почему оно не тухнет? Огонь в печи тухнет. Табак пеплом становится. Баба любит, потом не любит. А солнце не тухнет.

– Там процесс, Серега, галактические энергии! – пояснил Семен.

– Понятно. Только как бы эти энергии сюда, к нам подвезать? Мы бы такие дела тогда сделали.

Плугин замолчал. Огурцов и Сухов переглянулись. Они не знали, как отреагировать, и каждый подумал о своем.

– А это чего? – вдруг спросил Плугин.

– Храм Василия Блаженного, – разъяснил Сухов. – Представьте, его без единого чертежа построили. Одним топором. Барма и Посник.

– Так, может, эти чего знают, – предположил Плугин.

– Их давно нет в живых.

– Мужики, пойдем! – Семен обхватил Плугина и сделал шаг. – Там точно знают, где хоронить будут.

– Там знают. Вы с нами?

– С вами.

На центральной двери храма висел замок. Они поднялись по северному крыльцу и постучали. Послышались слабые шаги и звон ключей. Открыл человек лет шестидесяти пяти. Он был невысокого роста и лыс. Пегментированная кожа на черепе создавала впечатление древней морской карты, на которой участки суши отметили темным коричневым цветом.

– Вам кого, товарищи?

– Извините, мы хотели про похороны узнать, – выступил Семен. Страж внимательно посмотрел на гостей.

– А документы у вас имеются?

Плугин поспешно вытащил паспорт и протянул его стражу.

– Я Сухов, композитор.

– Огурцов, – Семен кивнул.

Один за другим гости вошли в храм. Спустились к подклетам, вышли в галерею, куда почти не проникал свет. Страж светил фонарем.

– Моя фамилия Гольц. С утра жду указаний, но пока ничего не пришло. Хоронить должны здесь.

– А где остальные? – спросил Семен.

– По-разному, – ответил Гольц. – Кого в стену замуровали, кого в саркофаг. Часть в известковом камне осталась.

Семен посмотрел на Плугина. Он почувствовал сильную дрожь.

– Тут всех схоронили. Хотя, если б меня спросили, я б тут не хоронил. Нам, русским людям, положено лежать в земле с червями. В камнях правды нет.

Гольц повесил фонарь на крючок, торчавший из стены. В середине комнаты находился саркофаг. Гольц подошел к стене и прочитал вслух надпись: «Во дни благочестивого царя Федора Ивановича зделаны верхи у Троицы и у Покрова на Рву разными образцы и железом немецким обиты и от пожара самого 7103 не есть верхов на тех храмах.»

Следующая надпись гласила: «Лета 7062 году, начата созиданием сия церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, да на том же основании девять церквей. И поставлена бысть сия святая церковь, егда сам Царь Иван Васильевич, всея России, со всеми своими воинствы ходил в Казань и многих там поби, и разори и град взя, и Царя Казанского с Мурзами привез в Москву».

– Подождем, – сказал Гольц. – Забирайтесь сюда.

Семен и Сухов помогли Плугину забраться на саркофаг. Несколько минут они провели в полной тишине.

– Мужики, хотите, я вам поиграю, – предложил Плугин. Он достал из кармана гармошку.

– Трофей.

Плугин приставил гармошку к губам.

– Взятие Берлина.

Игра продолжалась минуты три. Комнату заполняли звуки битого стекла. Внезапно Плугин убрал гармошку от губ и громко закашлял. Из его рта потекла слюна, которую он вытирал ладонью.

– Серега, ты чего?

Плугин харкнул себе под ноги.

– Не играл давно, – прохрипел он. – Экспромты не люблю. Я когда в окопе, так меня даже голуби слушали.

– Вам бы поучиться годик-другой, из вас бы хороший музыкант получился, – ободрил Сухов. – Дух у вас есть, а техника со временем придет.

– Поучусь еще. Вот похороню его и сразу учиться пойду. Я так решил, пока в поезде сюда ехал.

Семен погладил Плугина по спине, успокаивая его кашель.

– А вы, Семен, что будете делать после похорон? – спросил Сухов.

– Пока не знаю... И вообще, после похорон может ничего не быть. Время остановится. Мы тут пока сидим, а кто знает, может, мы последние минутки времени проживаем? Похоронят, и время, пшик – исчезло. Не будет больше времени. Короче, вы как хотите, а я дальше пошел.

– Да не горячитесь вы, подождите, – сказал Сухов. – Время не кончится. Не бывает так.

– Бывает. В космических черных дырах время останавливается. Оно в них исчезает материально.

Лицо Сухова вытянулось.

– Мы сейчас представляем такую черную дыру. Дыру! – Семен сложил руки в круг.

– Есть еще одно место, где могут хоронить, – сказал Гольц. – Если не у нас, тогда там. Больше нигде.

Все посмотрели на Гольца.

– Не томи, говори, – захрипел Плагин.

– В соборе Двенадцати апостолов. Идти нужно до Кутафьей башни, – Гольц объяснил путь, – через нее во двор. Все остальные входы закрыты.

– Пошли, – скомандовал Плагин, хватаясь за костыль. Огурцов помог ему спуститься.

– Вы с нами? – Обратился он к Сухову.

Сухов опустил глаза.

– Нет. Поэму в Моссовете ждут. Пока ее не отдам, никуда не пойду.

Плагин махнул рукой и, опершись на костыли, захромал к выходу.

Они спустились к Москве реке, дошли до Тайницкой башни и решили сделать перекур. Плагин запалил папиросу. Семен вдыхал дым, он так меньше хотел есть. Спустя пару минут к ним подошла немолодая женщина, закутаная в шерстяной платок.

– Сыночки, неужель правда, Сталин помер?

– Правда, мать, – ответил Плагин.

– Господи, – женщина перекрестилась, – дожили! Сдох проклятый. – Она несколько раз наложила на себя крест и низко поклонилась в сторону реки.

– Что ты такое говоришь, мать? – недоумевал Плагин.

Женщина начала молиться: «Царю Небесный, утешителю, душе истины, иже везде сый и вся исполняяй, сокровище благих и жизни подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны...»

– Оставь ты ее, Серега, – вступился Семен. – Большая, не видишь.

Глаза Плугина горели злобой.

– Антихристом он был. Бесом, – заговорила женщина. – Хвост у него был с поларшина. Шабаши устраивал, людей мучил. Там у них за стенами –, бесовские породы, козлы, медведи рогатые, двуглавые змеи. Жил он с ними и плодил от них.

– Ты чего несешь, сука, – заорал Плугин. Он схватил костыль и попытался ударить женщину, но Семен ему помешал.

– Не горячись, Серега. Прошу тебя. Большая баба, ее лечить надо.

– Таких на передовой пулей лечили, – сказал Плугин. – Я с его именем умирать ходил. Под танки бросался. Немецкую кровь в бидоны собирал.

– В какие бидоны? – удивился Семен.

Плугин понемногу успокаивался. Он опять закурил.

– После Сталинграда пришел приказ. Собрать миллион литров немецкой крови и доставить в Москву. Нужна была только чистая немецкая кровь. У приказа было имя – Аня.

– Аня, – повторил Семен. – Красиво.

– Ничего красивого. Арийский Национальный Яд.

– Почему арийский?

– Сам не знаю. Сказали, что арийский – значит чистый.

– Хм, – Семен задумался. – По-немецки чистый будет *rein*. Как *Kritik der reinen Vernunft* Канта. Не читал?

– Не читал, – сухо ответил Плугин.

– Слушай, а зачем этот яд в Москве? – спросил Семен.

– Не знаю. Был приказ. Мы выполняли. – Плугин затыкнулся. – Говорили, после победы будем в мертвых заливать, чтобы ожили.

– Как заливать?

– Как проливали, так и зальем. На полях сколько наших полегло. А в лагерях сколько исхудало. Кто их там считал?

Семен пожал плечами.

– Помню, мы такой один лагерь очищали. Брали людей, ложили на носилки. Из барака вышли, а тут ветер. Короче, смотрим, полетели.

– Кто полетел?

– Люди с носилок полетели. Прямо у нас над головами закружили. Мы им машем, мол, приземляйтесь. А они не могут. Легкие как птицы.

Плугин бросил окурок на асфальт.

– Ну а как ветер стих, они все на землю попадали.

– Мертвые? – спросил Семен.

– Кто мертвый, кто живой. Если честно, я тоже сначала думал, нахуя нам столько немецкой крови? А потом понял. У нас ведь самое главное – человек! А в человеке самое главное что?

– Кровь, – догадался Семен.

– А где ее взять на войне?

– У врага.

– Верно.

– Везет же тебе, Серега. Ты жизнь повидал, а я еще ничего не видел.

– Увидишь.

Пока Плугин рассказывал, женщина извлекла из-под одежды ватрушку и предложила ее путникам.

– Сама пекла.

Семен потянулся за ватрушкой.

– Куда, – Плугин ударил его по руке. – Сучий хлеб жрать не дам. Пошла отсюда.

Женщина не реагировала.

– Возьмите. Я от всей души.

– Пошла вон, я сказал!

– Подожди, Серега. Есть хочется. – Семен забрал ватрушку из рук женщины. – Она от всей души.

Вручив угощение, женщина засемила прочь.

– Ссссука, – злобно прошипел Плугин ей в след.

– Серег, ты не прав. Хлеб не пахнет, – успокаивал Семен. Плугин сжал кулаки.

– А ты понюхай.

Семен поднес ватрушку к носу и от этого у него заурчало животе.

– Творогом пахнет.

– Ну-ка, – Плугин нюхнул. – И впрямь, творог.

– Я ж говорю, – Семен стал разламывать ватрушку пополам, но Плугин остановил его.

– Стой! Дай сюда.

Плугин взял изделие, понюхал его и выкинул на дорогу. Проезжавший грузовик размазал его по колесу.

– Зачем ты это сделал? – обиделся Семен.

– Сегодня пост, – объявил Плугин. Он с жалостью посмотрел на своего спутника. – Пойми ты, я сам с раннего утра ничего не жрал. И хочу не меньше твоего. Но если с иного боку взглянуть, как жрать, когда он там лежит.

– Так он же умер.

– Умер. Так и мы с тобой тоже умерли.

– Это как?

– А так. Он нас как виноградник растил, понимаешь. Высший сорт. Все плохое, гнилое отрезал одним махом. Сезон, виноград поспел, а собирать некому.

Семен представил себя висящим на ветке, сочным, с косточками внутри. Ему себя захотелось.

– Слышь, а кто другой нас не соберет?

– Некому, – решительно ответил Плугин. – Берия? Так его работа – стальные заборы строить, чтоб враги не прокрасились. У Кагановича уголь, железка. Молотов в очках. Интеллигент.

– А Маленков?

– Кто такой?

– Ну как? Толстый такой, с барсучей ряхой.

– Такого не знаю.

Метров триста они прошли молча.

– Слушай, а Ворошилов? – начал Семен.

– Он горбатый.

– Как горбатый? Я своими глазами видел, как он раз на белом коне проезжал.

– Потому и на коне, что сам не ходит. Горб давит. Нам политрук говорил, у него в горбу написано, как жизнь красивую построить. Но пока жив, не узнаем. По живому резать, сам понимаешь.

Чем ближе подходили они к цели, тем тревожней становился воздух. Путники обогнули Боровицкую башню и увидели в небе звезду, висевшую, как казалось, в метрах двадцати над собором Двенадцати апостолов.

– Смотри, как горит, – сказал Плугин. – Не нравится мне это.

– Почему не нравится?

– К тяжелым похоронам примета.

Они старались идти побыстрее. На пути им встретилась только дама с собачкой. На даме была шляпка из беличьего меха. Лицо у нее было приятное, оно успокаивало, словно его вылепили из колыбельной песни. Собачку дама одела в шерстяной жилет, чтобы та не простудилась на прогулке. Заметив двоих, пес громко лаял на Плугина, а затем вцепился ему в сапог.

– Ицхак, фу! Фу! – закричала дама.

Порывав еще немного, Ицхак разжал зубы и помчался к хозяйке.

От большого количества звезд аллея казалась совершенно темной и узкой. Семен подумал, что они попали в подзорную трубу и из нее видят небо.

– Не покусала она тебя?

– Да-а, – отмахнулся Плугин. Семен вдруг толкнул его локтем.

– Смотри!

Вблизи Кутафьей башни виднелись фигуры людей. Стояли, кто прямо, кто наискось. Некоторые тянули руки кверху, можно было подумать, что они хотят достать какую-нибудь звезду, чтобы возложить ее к гробу вождя. Семена охватило высокое чувство, которое бывает очень сложно

передать. Одновременно радость, когда цель достигнута, и легкая, едва заметная печаль, скорее ирония, при мысли о пройденном пути.

– Слышь, Сема, ты, это, дальше один иди, – сказал Плугин.

– Не понял?

– Не могу я, Сем. Не могу. Чувствую, еще шаг и дыхание в груди остановится.

– Серег, ты чего, спятил? Мы день проходили. Пришли, наконец. Как не можешь?

– Не могу, Сема. Дыханию не прикажешь.

– Тебе дышать тяжело? Это от табака. Ты перекурил, Серег. Давай, стой, подыши, и все пройдет.

Огурцов положил руку Плугину на грудь.

– Не перекурил я. Дыхание нормальное. А только чувствую, подойду и задохнусь.

– Да чего с тобой? Ты же откуда в Москву приехал, только ради того, чтоб его проводить.

– Приехал.

– Приехал. А зачем?

Плугин опустил глаза.

– Ты же к нему приехал! А теперь бежать, да?

– Пойми ты, не могу я его в гробу видеть. Не могу! Чувствую, если увижу, дышать перестану.

Огурцов взял костыль и стукнул им о землю.

– Ты прости меня, Сем. Я всю войну прошел. Европу видел. Берлин брал. Этими вот руками брал. Я все могу, понимаешь. Только сейчас не могу.

– Я-то тебя прощу. А он простит?

У Плугина в уголках глаз проступили слезы.

– Не мучь. Ступай. Я тебя здесь подожду.

Огурцов крепко прижался к небритой щеке попутчика, как будто хотел забрать часть его тепла.

Подойдя к башне, Семен увидел странную картину. Вместо людей вокруг стояли чучела. Штук двадцать. Большая их часть была сделана из формы офицеров Вермахта, трое были из военной разведки.

– Трофеи, – подумал Семен, обойдя вокруг военных. Он представил, как у них собирали кровь в бидоны, потом отправляли в Москву.

– Шпион, – сказал Семен, схватив одного за воротник. – Я тебя сразу узнал. – Разговаривать с офицером ему быстро надоело, и остаток пути Семен решил пробежать.

Возле входа в собор Двенадцати Апостолов стояли две машины: «Бензин» и небольшой грузовик с открытым кузовом, в котором находились бутылки шампанского, а рядом лежали ломтики ветчины. Семен оглянулся, взял один ломтик и бросил его себе в рот. Ветчина была настолько холодной, что прилипла к языку.

– Проголодался? – Услышал Семен за спиной. Он успел выплюнуть ветчину, пока страх не парализовал его. Подошедший человек это заметил.

– Ты не бойсь. Ешь. Все равно выброшу.

Страх уходил, оставляя в теле сильную дрожь. Семен повернулся и увидел средних лет человека с пышными усами. На секунду ему показалось, что перед ним Сталин, и Семен сильно ущипнул себя.

– Не бойсь, – улыбнулся подошедший.

– А вы шофер?

– Нет. Я повар.

– А ты кто?

– Я на похороны Сталина пришел.

– А звать тебя как?

– Семен.

– Меня Спиридон Иванович.

– А про похороны, откуда знаешь?

– От Гольца.

– Он тут раньше на овощах сидел. Хороший мужик. А ты, смотрю, совсем оголодал. – Семен инстинктивно кивнул. Колени у него еще дрожали.

– Пойдем, покормлю.

Длинная кухня с готическим потолком была пустой. Повар объяснил, что по случаю траура работников отпустили раньше. Он подвел Семена к огромной плите, на которой стоял чан с теплым бульоном. Спиридон Иванович отлил бульон в миску и протянул ее Семену. Семен сел рядом на чугунный блок.

– Спасибо вам. – Семен отпил бульон.

– Погоди. Вот хлеб.

– Угу, – промычал Семен.

Тем временем Спиридон Иванович открыл холодильник и достал оттуда графин с водкой. Он налил им обоим по рюмке.

– На-ка, для согрева.

Семен приставил рюмку ко рту.

– За Сталина!

– За Сталина!

Семен вернулся к бульону, а Спиридон вытащил из нагрудного кармана мундштук.

– Куришь?

– Нет.

– Правильно. Я во время гражданской закурил. Помню, белополяков из города вышибли. Склад их нашли. А там боеприпасы, белье солдатское, карты и мешок всякого добра для курения. Командир наш всем бойцам именные подарки сделал. Надпись на мундштуке гласила: «Спиридону Ивановичу Путину, храброму сердцем».

– А другим, что написали? – спросил Семен.

– Одинаково всем написали.

– Ну, а самому храброму?

– Ему так и написали: самому храброму сердцем, – Путин наполнил рюмки.

– За победу!

– За победу!

– Спиридон Иваныч, а вы давно поваром в Кремле?

– С двадцать второго. Я всех покормить успел.

– И Ленина?

– Его недолго. После болезни он вегетарианцем стал. Одни овощи ел с рисом. Ему специальный рис из Китая привозили. Этот рис вместе с крапивой варили, иначе он есть не хотел.

– А крапива зачем?

– Чтобы никто другой не захотел. Ленин рисом только Крупскую угощал, он души в ней не чаял. Остальные только нюхали.

– И Сталин нюхал?

– Он не нюхал. Рис не любил. Картошку ел.

– Одну картошку.

– Картошку с луком, укропом и маслом. Всегда просил, чтобы горячая была. Чтоб руки обжигала. Ему ее в чугунке, прямо с огня подавали.

– А товарищ Свердлов, он что ел?

– Свердлов каши любил. Мог их есть три раза в день. Ленин его за это ругал. Манную кашу любил. Геркулес любил. Овсянку ел только в перерыве между апостольскими сходками.

– А что за сходки?

– Они на них древних писцов читали. Ленин так повелел. Последнего Исидора Крючкова читали. Я, помню, пирог еще такой испек, на книгу похожий.

Семен никогда не видел пирог, похожий на книгу.

– А я про такого и не слышал, – признался Семен.

– Был такой сочинитель на Руси. В Коломне он жил. Писал о конце света. Мир наш закончится, когда в полимитарском граде на базарную площадь выйдут два старца, босые, с непокрытыми головами, в нерусских

одеждах и произнесут слово Господне. Потом появится Антихрист, и воцарится ночь.

– А потом? – Семен облизал миску.

– А потом все.

– Как все?

– Конец, – пояснил Спиридон.

В глазах Семена появился испуг. Он не понимал, что значит конец. Рассказывая композитору о конце времени, он излагал научную гипотезу, причем наименее правдоподобную. Тогда он это делал, чтобы заставить своих попутчиков быстрее двигаться к цели. Но теперь, когда цель почти достигнута, и мысль о конце мироздания постепенно становится реальностью без всякой пощады к человеку, не оставляя ему никакой возможности помыслить этот конец, забирая его с собой в немислимое, теперь, на кухне, Семен захотел увидеть Сталина и выжить. Единственный, кто мог бы ему помочь, кремлевский повар Спиридон Путин, сидел рядом, рассказывая историю о двух старцах.

– А вдруг он, того, уже наступил? – осторожно спросил Семен.

– Вдруг в таком деле не бывает, – авторитетно заявил Спиридон. – Придет – узнаем.

– А как узнаем, если мы все умрем?

– Все не умрем.

– Так что ж получается, конец, он не для всех?

– Для всех, но не всем.

Семен едва успевал за ходом рассуждений Путина.

– Это как?

– Конец всем придет, когда народ заботится новую жизнь строить. А пока не боимся, нам концы не страшны.

– А откуда эти концы вообще берутся?

– Все концы берутся из воды.

– А если вода кончится?

– Такое у нас редко бывает. Ну, тогда супа не будет. – Путин засмеялся.

Семен хихикнул ему в ответ.

– Спиридон Иваныч, может, пора?

– Куда?

– На похороны.

– Не торопись.

Путин открыл шкаф и достал две длинные трубки. Одну он дал Семену.

– Это, чтобы ты его лучше видел. Нужно подышать.

– Да у меня зрение сто процентов, – попытался возразить Семен.

– Тут не в процентах дело. Ты его внутри себя увидеть должен. Иначе, тебе туда ходить не зачем.

Семен согласился.

– А народу много придет?

– Все придут.

– А как же мы там поместимся?

– Вот именно, – разъярялся Путин, – для этого я тебе даю подышать.

Если у тела места не будет, ты его своими легкими увидишь.

– А что в трубке?

– Прана.

– Прана? Никогда не слышал.

– Это то, чем мы дышим на самом деле. У многих она засорена, поэтому они теряют связь со своим астральным двойником.

– И у Сталина была засорена?

– Нет. Ему ее четыре раза чистили.

Путин обхватил трубку губами и несколько раз вдохнул. Над его лицом повис лазурного цвета дым.

– Спиридон Иваныч, а Ворошилов будет у гроба?

– Дыши, все узнаешь.

Семен сделал глубокий вдох, затем медленный выдох. Ощущение внезапной легкости, которой он никогда в жизни не испытывал, вдруг овладело им. Легкие надулись, вышли из границ тела и осветили кухню. Предметы Семену тоже показались очень легкими, как воздушные шары. Он взял Путина за руку.

– Спиридон Иваныч, что со мной?

– Это твои нади очищаются.

– А что это?

– Астральные трубки. По ним идут потоки праны.

– Куда идут?

– От астрального тела к тебе и обратно. Нади связывают человека с главными силами мира, – продолжал Путин. – Их у человека много тысяч, но имеется три главных: Ида, Пингала и Сушумна. Самая важная – последняя, ее мы сейчас и почистим.

Путин отложил трубку и сел на плиту в позу лотоса. Семен последовал его примеру.

– Спиридон Иваныч, не опоздаем?

– Не сердь меня, – ответил Путин. Он выпрямил позвоночник и закрыл глаза. Семен с восхищением смотрел на повара.

– Вдохни левой ноздрей, удержи воздух, затем выдохни через правую.

Семен попробовал, но у него получился вдох обеими ноздрями.

– Через левую!

Семен повторил упражнение, но у него снова не получилось. Им овладел страх. Он представил, что если быстро не научится дышать левой

ноздрей, то никогда уже не увидит Сталина. В одно мгновение Семен ощутил всю бессмысленность человеческой жизни. Ему вдруг привиделась странная картина. Деревенская изба, стол, накрытый голубой скатертью. На столе сидит человек в кимоно, перед ним лежит куб сала во льду. Человек в кимоно рубит куски сала рукой и раздает их всем вокруг. Никого из них Семен не знал.

– Давай еще раз, – скомандовал Путин. – Ты представь, что у тебя в правой ноздре посуда.

– Какая посуда? – Очнулся Семен.

– Кастрюля иль половник, – Путин улыбнулся. – Тогда ты дышишь только левой ноздрей. Смекаешь?

Семен кивнул. Сосредоточившись на половнике, торчащем из его ноздри, Семен начал дышать.

– Уже лучше, – похвалил Путин. – Теперь так десять раз. Выдыхаешь правой, не забудь.

– Как выдыхать, если в ней посуда?

– При выдохе посуду перемещаешь в левую ноздрю.

– Да я вам, что, фокусник? – вспыхнул Семен.

– Ты пойми, сынок, – успокаивал Путин, – пока твои нади не очищены, ты Сталина не увидишь.

Слова действовали на Огурцова, словно холодный душ.

– А как я узнаю, что они уже чистые?

– У тебя есть шесть чакр. Первая содержит четыре лепестка, она находится в заднем проходе. Вторая, с шестью лепестками, находится под яйцами. Третья, с десятью лепестками, в пупке. Четвертая, с двенадцатью лепестками, в сердце. Пятая, с шестнадцатью, в горле. Шестая с двумя лепестками, она у тебя между бровями. Очищая свои нади, ты постепенно увидишь все чакры. Самое сложное – увидеть шестую, последнюю. У нее меньше всего лепестков.

– А вы ее видели?

– Нет. Я только до пятой дошел.

– А Сталин видел?

Путин молча покрутил усы. Семен понял, что спросил зря. Сработал, видимо, какой-то бессознательный рефлекс. Однажды, собирая макулатуру, Семен наткнулся на статью из старого немецкого журнала без обложки. Автором статьи был некий Карл Краффт. В ней говорилось, что к концу тридцать девятого года советский лидер Иосиф Сталин должен закончить работу над визуализацией третьей чакры. По прогнозам Краффта, Сталин начнет захват Европы, как только увидит все лепестки. Войны не миновать. Рейх должен готовиться к борьбе против зла. Тогда Семен

воспринял статью как фашистскую пропаганду, но странное слово осталось в памяти.

– Спиридон Иваныч, откуда вы про чакры знаете?

– От Суды.

– От кого?

– Служил у нас один повар. Говорили, его ЦК из Индии выписал. Худой был, как лапша, и гибкий. Он у меня в помощниках ходил. Я сначала во все это не верил. А потом, когда он Ленина к жизни вернул, поверил.

– А что с ним потом было?

– Умер.

– Где?

– В Горках. Никто не верил.

– А родственники у него были?

– Жена.

– Тоже умерла?

– В тридцать шестом.

– В Горках?

– В Москве.

Семен замолчал. Он подумал, что уже достаточно узнал о поваре Суде и сейчас самое время, чтобы вернуться к нади. Семену стало страшно, что он не справится, и тогда Спиридон Иванович не пустит его на похороны, и все усилия будут напрасны. Отступать некуда. Семен это понимал.

– Попробуем еще разок? – спросил он.

– Давай. Только вот еще, – объяснял Путин, – когда дышишь, ты представляй.

– Чего представлять?

– Представь, что у тебя на кончике носа две буквы: А и У. От них отходит луч света. По нему идет человек в противоположном от тебя направлении. Вроде знакомый, вроде нет. Ты ему кричишь «Ау, ау» – он тебя не слышит, дальше идет. Ты должен остановить человека, иначе сгорит.

– А что за человек? – смутился Семен.

– Любого возьми, кто тебе по душе.

Семен потер лоб.

– А можно, я товарища Сталина возьму?

– Можно. – Путин улыбнулся.

Семен выпрямил позвоночник и сфокусировал взгляд на кончике носа. Вскоре он увидел букву А, затем возникла У. Вначале прерывистое, дыхание постепенно становилось ровным и глубоким. Семен почувствовал, как его левая ноздря затягивала воздух, который в том же объеме выходил из правой. Появился человек, идущий по лучу.

– Он! – пробормотал Семен. – Ау, ау.

Человек продолжал идти. Его походка выдавала старика, пожившего на свете столько, чтобы не испытывать страх смерти. Он шел уверенно, шел к противоположному концу луча, шел к огню.

– Ауууу, – звал Семен человека, но тот не оборачивался. Чем ближе он подходил к цели, тем увереннее был его шаг.

– Аууууу.

Человек прошел еще немного и загорелся. Семен задержал дыхание. Он видел, как пламя пожирало его человека, и от этого он ощутил сильный холод в яичках. Семен представил себя льдом, гасящим огонь. В шестом классе он узнал про французскую девушку Жанну, которую враги сожгли на костре. Потом Семен не раз размышлял, как бы он ее спас, окажись он тогда на месте казни. Когда холодный поток достиг пупка, Семен снова задышал.

Голос Путина окончательно пробудил его.

– Ну, остановил?

– Нет. Он сгорел, – грустно сказал Семен.

– Не горюй. Ты научился чистить нади, это главное. Теперь научись видеть, чтобы стать благородным. На похоронах будут одни благородные.

– А вы благородный, Спиридон Иванович?

– Благородный. – Путин пошевелил усами.

– А как им становятся?

– Нужно увидеть лепестки, начиная с четвертой чакры.

– А если все лепестки всех чакр?

– Тогда ты полностью благородный. Но таких мало.

– А Сталин?

– Сталин полностью и окончательно.

Семен умолк. Больше всего ему сейчас захотелось увидеть лепестки сталинских чакр.

– Начинаем!

– А Берия благородный? – выпалил Семен.

– Благородный.

– А Ворошилов?

– И Ворошилов благородный.

– Он же горбатый?

– Горбатый, но благородный. Значит, левой вдыхаешь, правой выдыхаешь. На каждую по двадцать серий. Помни, ты должен дойти до шестой чакры. Сначала пойдем вместе, потом ты один.

Семен начал вдыхать. Через пару минут он ощутил легкость в теле, будто оно потеряло почти всю свою массу и стало похоже на жженный сахар. Ему даже показалось, что тело стало липким, и он задумался о том, как бы от него избавиться.

– Вижу желтые лучи, – Спиридон Иваныч.

– Это первая чакра. Идем дальше.

Семен почувствовал себя уверенней. Желтые лучи кружились, вращались, рисовали лепестки в черном, неизвестном пространстве. Внезапно все лучи, кроме самого толстого, исчезли.

– Спиридон Иваныч, вижу спин одного луча!

– Входим во вторую чакру, – скомандовал Путин.

– Есть во вторую!

Семен почувствовал сильный холод в спине. Он посмотрел вниз и испугался. Расстояние от головы до ног ему показалось космическим, таким же, как от кровати в его комнате до созвездия Большой Медведицы, на которое он часто смотрел по ночам. Семену захотелось крикнуть изо всех сил, крикнуть так, чтобы разбудить Сталина, совершить чудо воскрешения и отменить похороны. Семен представил, как Сталин поднимется из гроба, улыбнется своей улыбкой, спросит, не случилось ли чего необыкновенного за время его отсутствия, и вернется в Кремль, к своему рабочему месту. А он, Семен Огурцов, восстановится в институте.

– Ну что? – спросил Путин.

– Холодно, но красиво. Вижу стаю бриллиантовых журавлей. Летят мне навстречу. А вы где, Спиридон Иваныч?

– А я на журавле!

Семен поднял голову и увидел повара, сидящего на шее журавля и машущего рукой.

– Хе-хе, – крикнул Путин.

– Уй-я! – махнул Семен. – Не улетайте без меня, Спиридон Иваныч.

– Не бойсь, не улечу. – Путин подогнал журавля к Семену, тот сел сзади, обхватив повара за талию.

– Ну что, готов?

– Готов!

– Тогда летим в третью чакру. – Повар прищпорил журавля, и тот в считанные секунды набрал скорость. Почти всю дорогу они летели сквозь арки и тоннели, в которых пахло шоколадом. Семен уткнулся лицом в спину Путина и забылся.

– Слазь, приехали, – Семен оперся на руку повара и с трудом поднялся с котла. Ноги его не держали, вид у него был бледный.

– Тебе вон туда, – Путин указал на железную дверь за плитой.

– А вы, Спиридон Иваныч?

– Я тут останусь, на своем посту. – Семен понимающе кивнул. – За дверью длинный коридор, пройдешь его весь, свернешь налево. Там будет страж. Он скажет пароль: «Награда». Ответишь: «За смелость». Уяснил?

– Так точно.

– Теперь ступай. – Семен обнял Путина и неожиданно заплакал. – Спасибо вам, спасибо. Спасибо за все.

– Ты, когда его увидишь, скажи, чтоб не забывал нас тут.

– Обязательно скажу. Я про все скажу. Про вас, про Плугина, про товарища Василия...

– Ты, это, скажи ему, чтоб он там поесть не забывал. А то я его знаю, засидится до четырех утра с одним стаканом чая.

– Обязательно скажу. Обещаю.

– Ну и славно. Ну, с Богом.

Семен вытер слезы ладонью, крепко обнял повара и пошел к двери. Стены коридора оказались выкрашенными красной краской. На них были начертаны граффити: «враг не пройдет!», «Берия + Маленков = Хру», «расстреляли завтра 5. X/41г.» Семен не задумывался о содержании этих сообщений; шатаясь, он двигался в направлении, которое подсказал ему повар. Семен не заметил, как кто-то резко остановил его прикладом в грудь.

– Награда.

– За смелость. – Офицер НКВД отпер дверь, и Семен вошел в огромный зал. Посреди зала находился круглый гранитный стол, заполненный едой. В позолоченном ведре лежала икра, рядом стояли тарелки с балыком, осетром, говяжьей вырезкой, сухофруктами. Бутылок двадцать шампанского, водки, графин ананасового сока – все было крайне соблазнительным.

Семен будто очнулся от сна. Он подошел к ведру и зачерпнул икру пальцем. Затем стал забирать икру балыком и спешно проглатывать, запивая ее соком.

– Ммммм, – наслаждался Семен, облизывая пальцы.

– Маленков, впускай! – раздался чей-то приказ. Семен заглотал кусок и нырнул под стол. Так он думал отсидеться, но тут же осознал абсурдность этой идеи. За исключением стола с едой и четырех колонн, в зале не было ничего. Семен бросился к дальней колонне. Не успев скрыться, Семен увидел, как в зал стали стекаться люди. Офицеры НКВД, врачи в халатах, штатские. Появился человек в широкополой шляпе и пенсне, он бросал отдельные фразы, на которые остальные реагировали веселым смехом. Некоторые брали рыбу, разливали шампанское, курили.

– Братя, – человек в шляпе поднял руку, – мы собрались здесь, чтобы проводить нашего любимого Аргоса в последний путь. Имея сто глаз про запас, он следил за нами, начиная с двадцать шестого года. Мы были его стадо, а он наш пастырь. Где повар?

Через полминуты офицер привел в зал Путина.

– Я слышал, у вас внук родился, – сказал человек в шляпе.

– Родился, товарищ маршал.

– Так, может, суп нам из него приготовите. – Маршал и все остальные засмеялись. От хохота лицо маршала покрылось потом, и его пенсне сползло на край носа. Повар заставил себя улыбнуться.

– Мы с товарищем Сталиным последний раз суп перед войной ели. – Повар снова улыбнулся, но на этот раз улыбка вышла еще более натянутой. – Подумайте над моим предложением.

Вдруг маршал громко хлопнул в ладоши.

– Все к столу. – Люди двинулись к икре и шампанскому. Семен наблюдал за трапезой, не понимая, где он находится. Наверное, Путин направил его не туда, или он сам сбился с пути. Но пароль сработал, значит, все правильно.

– Хрущев, – маршал подозвал коренастого человека. – Слушай, я все тебя спросить хотел, ты танцевать умеешь?

– Никогда не танцевал.

– А петь?

– И не пел.

– А с бабами у тебя как?

Хрущев слегка нахмурился.

– Мне тут Маленков про тебя рассказывал, что ты завязал.

– Врет он. Наговаривает.

– Маленков, – маршал махнул. Тот подошел с большим портфелем в руках. – Слушай, Георгий, вот Хрущев мне тут поведал, что у тебя больше не стоит.

Маленков втянул подбородок, демонстрируя свое несогласие. Он злобно взглянул на Хрущева, который попытался что-то сказать, но маршал перебил.

– Ты мне правду скажи, Георгий. Я ведь от всех болезней могу вылечить.

– Гуляй рука, балдей писюн, – вставил Хрущев, засмеявшись.

– Да ну вас, – сказал Маленков, поворачиваясь, чтобы уйти.

– Пошутил, – маршал взял обоих за руки. – Не обижайся. Лучше расскажи анекдот.

Маленков вспомнил один свежий.

– Дочь просит отца отпустить ее на танцы. Он ей: отсоси – пойдешь. Она говорит, ну как же, ты ведь мой папа. Ну, в конце концов, согласилась. Потом спрашивает: пап, почему у тебя член в говне? А твой брат уже давно на танцах.

Маршал и Хрущев залились смехом. Маленков скорее делал вид, что смеялся. На самом деле просчитывал ходы в своей дальнейшей игре. В случае победы, Хрущева можно сделать директором Пушкинского музея,

маршала отправить в Бухару для умирения сепаратистских настроений среди шиитов.

– Ну, насмешил, – сказал маршал, вытирая слезы. – Я бы тебя, Георгий, назначил главным редактором «Крокодила».

– А он сам крокодил, – сказал Хрущев. Они снова засмеялись.

– Тыфу, на вас! – Маленков развернулся и зашагал к икре. Он зачерпнул икру куском балыка и уже открыл рот, как вдруг к нему подошли двое.

– Обижают? – спросил один.

– Шутят, – ответил Маленков. – А нам не до шуток. Вот, посмотри, – он достал из кармана листок и развернул его. – Расстрельный список.

Маленков проглядел все фамилии. Список включал всех присутствующих в зале и еще нескольких секретарей Грузии и Азербайджана, которых не пригласили. Маленков знал почти всех лично. Свою фамилию он нашел в середине.

– Кто составлял?

– Михозлс. Врачи утвердили.

– Понятно, – Маленков проглотил икру. – Я, между прочим, так и думал. Одного не пойму, зачем нужны были эти похороны?

– Берия настоял. А у него, сам понимаешь, программа.

– Рыбу с мясом мешать тоже он придумал?

– Он.

– Георгий, – крикнули из-за спины. Маленков обернулся и увидел, как Хрущев, в окружении Молотова и Булганина, человека спокойного, даже мягкого, махал ему рукой.

– Новый анекдот. Иди к нам. – У всех троих на лицах были улыбки. Маленков посмотрел на них с неприязнью, оставшись на своем месте.

– Это он когда из Палестины вернулся, стал мясо с рыбой мешать.

– Кстати, где он? – спросил Маленков. Оба взглядом окинули зал. Берии нигде не было.

– Странно. Очередной розыгрыш.

– Хм.

– Может, он в туалете.

– Да нет, я его там встретил, когда мы сюда шли.

– Что посерьезнее?

Маленков покачал головой.

– Если разобраться, неплохой человек этот мингрел. Жаль только, оружием слишком увлекается. А то посадили бы его на финансы.

– А Хрущев?

– Туповат. Он мне письма с войны справа налево писал. Его лучше на рыбу.

– А Молотова?

– Жопа у него какая-то некрасивая, плоская. Не люблю таких. Но для подземки подойдет.

– Булганин?

– Хороший работник, только пьет много. Думаю, его послом в Корею.

– Каганович?

– Послом в Израиль.

– Абакумов?

– С ним проблема. Душа у него слишком добрая. Помню, как в пятьдесят первом он послал врага народа Этингера в Сочи.

– Микоян?

– Пусть отвечает за здравоохранение. Честно скажу, сила нашего руководства состоит в его коллективности, сплоченности и монолитности. Считаю, что строжайшее соблюдение.

Голос внезапно появившегося маршала прервал Маленкова.

– Братья, наш отец умер. Он просил проводить его до небесных ворот. Последним его желанием было, чтобы мы прямо сейчас одели маски.

Маршал поставил корзину с масками на пол, достал одну и надел на себя. Маска изображала Сталина. Выстроилась очередь к корзине.

– А где тело? – поинтересовался кто-то.

– Ночью привезут.

– Да, кончилась великая эпоха.

– Положим его в Мавзолей, к Ленину.

– А вдруг он жив.

– Уберите Светлану.

– Отравили, сволочи!

– Не уберегли врачихи. Не уберегли.

– Замочили.

– Хрусталиев, машину!

Возникла суета. Свет в зале стал гаснуть, начали зажигать свечи. В одну из дверей вошла дюжина женщин, одетых в костюмы летучих мышей. Они смешались с масками, некоторые из них громко хохотали, хлопали в ладоши, увертываясь от назойливых ухажеров. Никто уже не понимал, кто с кем. Заиграла музыка, которая с каждой минутой становилась все громче и громче. Все закружились в танце, не замечая густое желтое облако под потолком.

Семен не помнил, как снова оказался на улице. Он лежал на лавке недалеко от того места, где они расстались с Плугиным. Вокруг никого не было. Голова гудела, ноги казались свинцовыми. Семен глубоко вдохнул, как научил его повар, затем сделал долгий выдох. Он закрыл глаза и начал считать до двадцати.